

Литературная газета
г. Москва

19 ДЕК 1984

НЕ ТОЛЬКО книги, но и имена поэтов имеют свою судьбу.

Имя Лермонтова — имя мятежного гения, поэта, пророка — навсегда стало литературным и историческим преданием.

Кольцов звучит строкой «Косаря», почти «ливается со стихом; имя поэта кажется канувшим в песенное и степное раздолье его же поэзии. Где там он сам, творец «Леса»? И для скольких читателей его образ остается хрестоматийной иллюстрацией к «Песне пахаря» — скромной литографией, а то и просто лубком.

Написанная Н. Скатовым для серии «ЖЗЛ» биография вновь дает имени Кольцова звучание полное, самобытное и на фоне литературоведческой традиции во многом обновленное. В книге обстоятельно и бережно воссоздается образ большого национального поэта, не только в творчестве, но и в самой судьбе которого так выпукло, можно сказать, художественно выступили прекрасные и трагические стороны русской жизни.

Глава «Русская песня» в книге — самая звучная, жизнерадостная. В главах других Кольцов выписан не менее выразительно, но перипетии воронежской жизни поэта и всех его «литературных и нравственных скитальчеств», наконец, вся постепенная и неотвратимо назревавшая драма потребовали от биографа не только особой осмотрительности в трактовке материала, но и сдержанности в манере изложения.

Песенная поэзия — главный дар Кольцова, выросший до степени гениальности, развивший его душу, давший ему язык, завоевав-

ший ему такое же место основоположника жанра, какое своими баснями занял в литературе Крылов. Это лейтмотив главы и один из смысловых центров книги. В песенно-поэтической сфере прежде всего и заявила о

себе бодного человека, — ведь к такой позиции он страстно стремился в литературе и в жизни.

Широта и раскованность чувства, радостное приятие природы, щедрая трата душевных и телесных сил в

абство, несвободу вообще.

И еще один важный момент в книге Н. Скатова. Дав высокую и объективную оценку поэтическому наследию Кольцова, исследователь отвечает на вопрос, волновавший всех биографов поэта: способен ли был Кольцов выйти за пределы песенной сферы и в другом роде литературы сказать свое собственное и яркое слово? Рас-

Николай СКАТОВ

«КОЛЬЦОВ»

Издательство «Молодая гвардия», М.
1983.

себе — громко, определенно — личность поэта.

Кольцовская песня — песня народная. В ней, и в поэзии Кольцова вообще, народное мироощущение представало, как настойчиво подчеркивает автор книги, не в абстрактном, не в умозрительно воспринятом виде: оно несло общественно-исторический опыт народа, его нравственные представления, черты жизненного уклада — так вошла и заиграла у Кольцова новыми красками вся поэзия земледельческого труда. Поэтому и социально-этические идеалы народа — неотъемлемая и органическая часть кольцовского творчества. И прежде всего идеал человеческой свободы, который под любыми историческими наслоениями свято сохранялся в народном сознании. Кольцов стал певцом свободного человека, утверждает биограф, он писал о «свободном мужике», свободном «от помещика, от чиновника, от города», и этим определена вся суть его творчества.

Можно было бы добавить, что он писал и от имени сво-

ПЕСЕННЫЙ ДАР

труде и веселье, безоглядность в страстях, в поступках, самвольный напев кольцовского стиха — все это выражение свободы в его творчестве, свободы как естественного состояния. Поэтому (по верному замечанию В. Майкова, на которое опираются и суждения Н. Скатова) поэзия Кольцова обращена в своих идеалах не к настоящему, где свобода попорна, а к прошлому и будущему. А ведь эта ориентация на будущее свободного человека не поэтическая лишь мечта и уж отнюдь не отвлеченно-гуманистическая утопия. Она сыграла решающую роль в развитии русской революционно-демократической мысли и определила пути освободительного движения в России.

С этих позиций будущей свободы «Кольцов своеобразно выступил против крепостного права: он его игнорировал. И биограф прав в этой характеристике: Кольцов действительно в своей поэтической и тесно с ней связанной нравственной перспективе видел уже преодоленными и крепостное право, и всякое

всматривая кольцовское творчество с этой точки зрения, обращая внимание (впервые столь пристальное) на эпистолярную прозу поэта, всматриваясь в своеобразный склад его души, автор утверждает, что поэт «действительно думал о переходе в «другую сферу» и весь путь его, духовный и писательский, вел к такому переходу». Да, Кольцов хотел «переманить участь», как говаривали герои Достоевского, и, судя по его способности к саморазвитию, по «могучим задаткам», эта перемена была бы богата прекрасными плодами.

На пороге возможного и необходимого перехода в «другую сферу» Кольцов, пишет биограф, ощущал «необходимость какого-то нравственного самоочищения». Для преодоления кризиса нужно было напрячь и сосредоточить все силы в одной катартической точке. Но слишком много этих сил было уже отдано сопротивлению шестилетнему и недуховным сторонам существования. Ни обстоятельности, ни сроки не позволили Кольцову собрать все воедино. Это и предрешило драматический исход.

Книга Н. Скатова способствует осмыслению подлинного значения этой русской драмы.

В. КОТЕЛЬНИКОВ